

К. И. Зубков, Г. Н. Шумкин

СТЕПНАЯ ГРАНИЦА ЕВРАЗИИ: ОПЫТ МАКРОИСТОРИЧЕСКОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2019-3(64)-6-14

УДК 94(4/5)“04/18” ББК 63.3

В статье предпринимается попытка реконструкции основных закономерностей макроисторической эволюции степной зоны Евразии, рассматриваемой как обширная пограничная область. Главная из этих закономерностей состояла в том, что возникшая в степной зоне Евразии номадическая цивилизация, несмотря на взлеты имперского могущества, вместе с ходом исторического прогресса постепенно отставала по темпам и результатам развития от технически ориентированных оседло-земледельческих цивилизаций. Сопровождавшее этот процесс изменение мирополитической структуры вело к фрагментации и нарастанию нестабильности степной зоны Евразии, что превращало ее в пограничное пространство, локализуемое между сближающимися «фронтами» более сильных и устойчивых государственных образований. В статье доказывается, что целый ряд морфологических особенностей, присущих пограничным зонам в доиндустриальную эпоху, применимы к характеристике исторического развития степной номадической зоны Евразии, становившейся ареной встречной экспансии соперничающих государств. Эта сложная политическая диспозиция в существенной степени влияла на условия выживания и факторы устойчивости степного пограничья, что, в свою очередь, объясняет исторический длительный процесс его колонизации, неразрывно связанный с необходимостью выработки в зонах «фронта» сложных комбинированных стратегий всеобъемлющей (экономической, военной, политической, культурной) реконструкции степных пространств.

Ключевые слова: *Евразия, Россия, степная зона, граница, пограничье, номадическая цивилизация, колонизация, фронт*

Границы являются одним из фундаментальных элементов пространственной организации социальной жизни, которая, не существуя во всеобщей форме, спонтанно или по воле людей упорядочивается, подразделяясь на качественно различные, обособленные сегменты — государственно организованные общества. Как отмечал К. Хаусхофер, создатель одного из самых детально разработанных учений о границах, часть последних заимствуется человеком у природы (разделительные «барьеры» в виде горных перевалов, русел крупных рек, резкой смены ландшафтных зон), часть же творится «по воле культуры»,¹ — особенно

там, где сама природа никаких видимых границ и переходов не полагает. Хотя оба фактора образования границ часто действуют комбинированно, именно свойства границ как социального конструкта сообщают им наибольшую нестабильность, подвижность, текучесть, очень точно соответствующую в этом отношении пульсу самой исторической жизни. До времени возникновения границ в современном смысле — как зафиксированных на карте, юридически установленных линий раздела территорий суверенных государств (в Европе утверждение этого принципа произошло, по мнению специалистов, лишь после окончания наполеоновских войн²), этой исторической изменчивости границ соответствовали их условность, размытость и даже полная открытость, т. е. их реальное отсутствие. На этой «досуверенной» стадии развития государств граница не только реально существует, но и мысленно воспринимается не как четкая разделяющая их линия, но как вклинивающаяся между ними «ничейная» или обоюдно оспариваемая

¹ Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М., 2001. С. 23.

Зубков Константин Иванович — к.и.н., заведующий сектора историографии и методологии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Шумкин Георгий Николаевич — к.и.н., с.н.с. сектора историографии и методологии, Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: shumk@mail.ru

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00427А «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации» (рук. И. В. Побережников)

² См.: Mears J. A. Analyzing the Phenomenon of Borderlands from Comparative and Cross-Cultural Perspectives. Conference Proceeding “Interactions: Regional Studies, Global Processes, and Historical Analysis”. Available at: http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/p/2005/history_cooperative/www.historycooperative.org/proceedings/interactions/mears.html (accessed: 26.05.2019).

территория, как своего рода «серая зона», политическая принадлежность которой остается неопределенной.

Эмпирически, такая трансграничная территория обладает всеми характерными признаками региона с собственным историческим бытием, но региона, парадоксально совмещающего в себе действие сил разделения и соединения. Если исходящие от государственной власти попытки установления здесь более или менее четких границ продуцируют внутри него политические и социокультурные различия, оппозицию «свой» — «чужой», то одновременно стихия «низовой», народной жизни воссоздает в зазорах этих налагаемых на регион систем пограничного контроля новые подчеркнута «неофициальные», иногда маргинальные, сети социальной коммуникации и взаимодействия (трансграничная мелочная торговля, контрабанда, перемещения религиозных и политических диссидентов).³

Цивилизационный опыт человечества до-модерных эпох знает в основном два способа упорядочения таких аморфных пограничных пространств. Один из них — сооружение протяженных фортификационных линий, создающих жесткое разделение внутри пограничной территории (вроде римского вала Адриана или Великой Китайской стены). Важно отметить, что такие «длинные стены» не только выполняют функцию защитного барьера против внешнего нападения, но и производят мощный социально-организующий эффект внутри защищенного пространства, усиливая его государственно-политическую консолидацию — не только за счет крупномасштабной концентрации материальных и человеческих ресурсов, которых требует строительство укреплений, но и путем создания новой семантики восприятия приграничного пространства (становящегося в этом смысле «цивилизованным»)⁴. Другой способ — прямо противоположный — заключался в намеренной нейтрализации пограничного пространства, превращении его в разделяющую соперничающие силы «буферную» зону, размер которой определялся необходимой дистанцией взаимной безопасности. Для пресечения всякой враждебной активности с этой территории одной или обеими

сторонами здесь бдительно поддерживался режим относительной депопуляции и недопущения какой-либо военно-строительной или опорно-хозяйственной (кроме сезонной промысловой) деятельности. Данный тип пограничной «политики» имеет весьма древнее происхождение. О нем упоминает Цезарь, описывая обычаи древних германцев: «Истинная доблесть в глазах германцев в том и состоит, чтобы соседи, изгнанные из своих земель, уходили дальше и чтобы никто не осмеливался селиться поблизости от них».⁵ Польский историк Х. Ловмянский отмечал, что при завоевании земель пруссов рыцари Тевтонского Ордена одну их часть заселяли переселенцами из Германии и Польши, а другую — превращали в пустынные «буферные» пространства.⁶

Гипотеза настоящей статьи заключается в предположении, что отмеченные закономерности формирования границ между государственно-политическими образованиями относятся к общим законам пространственной морфологии социальной жизни и, как таковые, могут быть выведены на уровень анализа более крупных членений земной поверхности, географически и исторически соотносимых с общностями более высокого уровня — цивилизациями. Предметом такой концептуализации для нас станет обширная степная зона Евразии, протянувшаяся через весь континент — от венгерской пушты до Желтого моря. Цель статьи заключается в том, чтобы, рассматривая евразийское степное пространство как границу — или, точнее говоря, обширную пограничную зону — объяснить некоторые важные тенденции его исторического развития.

Английский географ Х. Дж. Маккиндер, вероятно, первым предложил рассматривать степной пояс Евразии как цельное природно-географическое образование, обуславливающее единство этого континента не только в орграфическом, но и в историческом отношении. Географически это единство удостоверяется почти непрерывной, монотонной протяженностью степного пояса (зона пастбищ, безлесное, по большей части аридное широтное пространство, относительная замкнутость которого обусловлена отсутствием речного стока в Мировой океан); исторически — связующим

³ См.: Baud M., Van Schendel W. *Toward a Comparative History of Borderlands* // *Journal of World History*. 1997. Vol. 8, № 2. P. 214, 215.

⁴ См.: Chaichian M. *Empires and Walls: Globalization, Migration, and Colonial Domination*. Leiden; Boston, 2014. P. 15, 16.

⁵ Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне. М., 1993. С. 129.

⁶ См.: Łowmiański H. *The Ancient Prussians* // *Baltic Countries*. 1935. Vol. 1, № 2. P. 141.

эффектом непрерывного турбулентного движения по нему, как по сквозному «коридору», сменяющих друг друга «волн» кочевых народов (от гуннов, аваров и мадьяр до монголов, турок-османов и джунгар).⁷ Из классического географического анализа Х. Дж. Маккиндера, таким образом, выводит принципиально новую — геоисторическую — категориальность, посредством которой детерминирующие свойства природно-географической среды выявляются не только через специфику экономического базиса кочевых обществ (пастбищное скотоводство, облавная охота), но и через выделение особого исторического типа пространственной мобильности — «всаднического». Последний не только обеспечивал безраздельное господство кочевых обществ в зоне степей, но и ряд временных военных преимуществ, которые позволялиномадам оказывать перманентное давление из зоны степей на прилегающие территории практически по всем направлениям: на юго-восток (Китай), юг (Средняя Азия, Иран, Индия), юго-запад (Малая Азия), запад (Восточная Европа) и север (Россия, Сибирь), — добавляя тем самым к источникам своего существования военный грабеж. (Н. Н. Крадин в этой связи развивает идею об особом, присущемномадическим обществам, экзополитарном, т. е. основанном на внешней эксплуатации, способе производства).⁸

Географически, степной пояс Евразии отчетливо вписывается в распределение широтных зон: с севера он ограничен пространствами лесов и болот, южная линия которых в Восточной Европе проходит южнее Москвы и примерно по широте Казани, спускаясь восточнее все дальше к югу и доходя на Дальнем Востоке до течения Амура; с юга его ограничивают Черное и Каспийское моря, нагорья и горные системы Азии, перемежающиеся с речными долинами — древними центрами ирригационного земледелия. Самое существенное, однако, что определяет различие в историческом развитии этих широтных зон, заключается в природосообразности возникающих здесь типов цивилизаций, которые, в свою очередь, как социальные конструкты, усиливают значение естественных границ. Так, в Азии, где граница между зоной степей и полупустынь и земледельческой зо-

ной весьма размыта, очень рано возникла целая цепь фортификационных «длинных стен», защищающих от набегов кочевников не только отдельные земледельческие оазисы, но и целые обширные области развитой агрикультуры, — построенная при Сасанидах в районе Каспийских ворот Великая Горганская стена (195 км),⁹ защищавшая бухарский оазис стена Канпирак, построенная в V–VI вв. и неоднократно укреплявшаяся вплоть до IX в. (336 км),¹⁰ и, наконец, Великая Китайская стена, строившаяся с III в. до н. э. в течение нескольких веков (общая длина с ответвлениями более 21 тыс. км).¹¹ Иранский историк М. Лаббаф-Ханики вообще считает возможным рассматривать эти укрепленные линии, в комбинации с изолирующими горными системами, как единую «длинную Азиатскую стену» — защитный барьер аграрных цивилизаций Востока против возросшей в раннем средневековье агрессивности кочевников евразийских степей.¹² При этом если функция таких стен как защитных барьеров никогда не была абсолютной, то они, во всяком случае, позволяли контролировать и дозировать инфильтрацию кочевых элементов в области оседлой жизни, отделять кочевников «варваров» от кочевников «цивилизованных».

В северных же — открытых со стороны степи — частях Евразии защиту от набегов кочевников обеспечивали главным образом естественно-природные препятствия в виде непроходимых для конницы лесов, болот, пересеченных местностей, крупных рек и т. п. Редкими исключениями являлись искусственные оборонительные линии, вроде легендарных Змиевых валов в Среднем Поднепровье.¹³ Сооруженные, предположительно, в первых веках н. э., они — по крайней мере, на отдельных участках — перманентно сохраняли свое значение в военной обороне важной земледельческой области вокруг Киева от нападений кочевников, на что указывают летописи, повествуя об отражении половецких

⁹ См.: Spring P. *Great Walls and Linear Barriers*. Barnsley, 2015. P. 193–198.

¹⁰ См.: Культура древнебухарского оазиса III–IV вв. Ташкент, 1983. С. 24, 25.

¹¹ См.: Turnbull S. *The Great Wall of China 221 BC — AD 1644*. New York, 2007.

¹² См.: Labbaf-Khaniki M. *Long Wall of Asia: The Backbone of Asian Defensive Landscape* // *Proceedings of the 10th International Congress of Archaeology of the Ancient Near East*. Wiesbaden, 2018. Vol. 2. P. 113–121.

¹³ Кучера М. П. История исследования Змиевых валов Среднего Поднепровья / РусАрх: Электронная научная библиотека по истории древнерусской архитектуры. URL: <http://rusarch.ru/kuchera1.htm> (дата обращения: 26.05.2019).

⁷ См.: Mackinder H. J. *The Geographical Pivot of History* // *The Geographical Journal*. 1904. Vol. 23, № 4. P. 425, 426, 428.

⁸ См.: Крадин Н. Н. *Кочевые общества (проблемы формационной характеристики)*. Владивосток, 1992. С. 189.

набегов, — например, в 1093 г. («и приидоша вал») и 1095 г. («ста межи валома с вои»)¹⁴. В целом же, в условиях открытости перехода от леса к степи, оборона южнорусских земель неизбежно приобретала черты гибкой комбинированной стратегии, сочетавшей использование засек, валов, сторожевую службу, превентивные походы в степь, вывод оттуда и поселение на наиболее опасных местах покоренных тюркских племен (торки, берендеи, черные клобуки и др.). В этом качестве она, по выражению В. Г. Ляскоронского, была прообразом «основных начал русской политики относительно степи»¹⁵.

Однако, по мере того, как интенсивность номадического натиска возрастала (особенно заметно с середины XI в. — времени утверждения в южнорусских степях сильных половецких орд), а постоянные угрозы сковывали хозяйственное развитие Поднепровья, ситуация чередующегося перевеса сторон в борьбе Руси со степью сменилась тенденцией массового оттока славянского населения на северо-восток, в леса Волжско-Окского междуречья, которая была резко усилена татаро-монгольским нашествием в 1240-х гг. Это вынужденное геополитическое отступление земледельческой цивилизации как бы возвращало ее к исходным, наиболее простым формам выживания, резко усиливая значение природно-географических факторов обеспечения безопасности. В течение всего монгольского периода, как отмечал С. Ф. Платонов, тенденция перелива населения из одних мест в другие сохранялась и в пределах суздальского «Залесья», ставя повышение наиболее безопасных политических центров (Москва, Тверь) в зависимость от их естественно-природной защищенности перед татарскими набегами.¹⁶

Решительный «перевес», который с 1240-х гг. до конца XIV в. степная Азия «в лице монголов» берет над Европой «в лице России»,¹⁷ следует считать апогеем могущества номадической цивилизации и во всемирно-историческом масштабе. Объединение Евразии в этот период созданной Чингисханом Монгольской

империей — крупнейшей в мировой истории — не противоречит, тем не менее, трактовке евразийского степного пространства как обширной и текуче-подвижной пограничной зоны между стабильными «ядрами» медленно расширяющих свои пределы оседлых цивилизаций. Экстенсивное пастбищное скотоводство, в силу своей специфики, не могло стать базой развития крупных, концентрированных форм производства, выходящих за рамки натурального хозяйства, а, следовательно, и устойчивых форм государственности. По своей институциональной природе, кочевые «империи» — это временные военные конфедерации, сплочение которых было возможно лишь вокруг масштабной «программы» внешних завоеваний. Достаточно было завоевательному порыву иссякнуть или встретить серьезный отпор — как внутри кочевого социума вступали в действие силы диссоциации и междоусобной борьбы. Империя монголов, несмотря на всю грандиозность свершений, не выходила за рамки этой объективной логики. Она, по мнению специалистов, не стала «колыбелью» сколько-нибудь значимых и самостоятельных цивилизационных достижений, кроме той единственной функции, которую могла обеспечить высочайшая мобильность кочевников в пределах политически единого пространства, — служить катализатором «интенсивных трансевразийских коммуникаций»,¹⁸ средством «экуменического обмена» между Западом и Востоком.¹⁹ Важным представляется и еще одно обстоятельство социологического свойства: основой номадической государственности становилось, как правило, не столько последовательно закрепляемая и обогащаемая культурными накоплениями территория как таковая, но, скорее, подвижное социальное «тело» господствующей родоплеменной группы. Это в существенной степени объясняет то, огромное символическое и регулятивное значение, которое приобретала родовая генеалогия в легитимации власти в Монгольской империи и наследовавших ей государствах-преемниках.²⁰

¹⁴ Полное собрание русских летописей. Радзивилловская летопись. Л., 1989. Т. 38. С. 88, 90.

¹⁵ Ляскоронский В. Г. Русские походы в степи в удельно-вечное время и поход кн. Витовта на татар в 1399 году. СПб., 1907. С. 19–21.

¹⁶ См.: Платонов С. Ф. Прошлое русского Севера: очерки по истории колонизации Поморья. Пг., 1923. С. 24, 25.

¹⁷ Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. М., 1988. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2. С. 57.

¹⁸ Фернандес-Арместо Ф. Цивилизации. М., 2009. С. 169.

¹⁹ См.: Perdue P. C. Boundaries, Maps and Movement: Chinese, Russian, and Mongolian Empires in Early Modern Central Eurasia // The International History Review. 1998. Vol. 20, № 2. P. 263.

²⁰ Об этом см.: Султанов Т. И. Чингиз-хан и Чингизиды. Судьба и власть. М., 2006; Трепавлов В. В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие: материалы Междунар. науч. конф. «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань, 2009. Вып. 1. С. 11–15.

Процесс инволюции недолговечной степной империи в турбулентную, распадающуюся на фрагменты пограничную зону, начальный этап которого в русской истории запечатлен борьбой с ордынским «игмом» в вековом промежутке между «великой замятней» в Золотой Орде (1360–1370-е гг.) и распадом Большой Орды (1480–1502 гг.), был, на глубинном уровне, обусловлен общеисторической тенденцией — эволюционно предопределенным упадком удерживавшей центральную зону Евразии номадической цивилизации, обнаружившимся ее отставанием по темпам и результатам развития от утверждавшихся на «окраинах» континента технически ориентированных оседло-земледельческих цивилизаций. По мере того, как иссякало поддерживавшее политическое единство кочевых «империй» демографическое и военное давление Великой степи, внутри номадической стихии усиливались центробежные тенденции. П. Н. Савицкий в свое время убедительно показал, что временная стабилизация осколков прежней Золотой Орды — Казанского, Крымского, Астраханского, Сибирского ханств — подчинялась уже закономерностям, подтверждавшим неоспоримое превосходство оседлых цивилизаций, а именно — тенденции оседания государствообразующих групп кочевой военной аристократии в узловых пунктах контроля над пространством: на важнейших торговых путях, ведущих по крупным рекам в приморские части континента, на границах степи с земледельческо-лесной зоной оседлости и т. п.²¹

Это свидетельствовало о том, что степное пространство Евразии начинало постепенно втягиваться в систему хозяйственных и культурных связей с более передовыми — оседлыми — цивилизационными центрами и организовываться на новых основаниях — по меньшей мере, попадать под влияние новых организующих импульсов. Характерно, что тенденция смещения центров развития к окраинам степной зоны Евразии наблюдалась примерно в это же время не только на Русской равнине, но и в других частях евразийской периферии — в Малой Азии и на Балканах (османские завоевания), в Средней Азии (державы Тимура и Шейбанидов). Разумеется, военное превосходство кочевников исчерпало себя далеко не сразу и, даже после распространения огнестрельного оружия и возникновения ре-

гулярных армий, было способно производить ряд успешных завоевательных кампаний, к каковым можно отнести, например, завоевание тимуридом Бабуром Северной Индии и Афганистана (1526–1527) или маньчжурское завоевание Китая в 1620–1640-х гг. Военно-политическое возвышение Джунгарского ханства в XVII–XVIII вв.,²² отголоском которого на русских рубежах стала миграция западно-ойратских племен — торгоутов и части дербетов — в нижнее Поволжье, показывало, что степной центр Евразии, пусть и в ослабленном виде, еще был способен генерировать импульсы имперского строительства. (С. М. Соловьев считал в этой связи образовавшийся этнос — калмыков — «последними представителями движения среднеазиатских кочевых орд на запад, в европейские пределы»²³).

Однако, даже с учетом этого, в XIV–XVII вв. равнодействующая сил, вовлеченных в структуризацию евразийского степного пространства, все-таки необратимо изменяется. Стабилизация завоеваний кочевников в виде устойчивых государственных образований происходит главным образом на периферии Евразии, в зоне их соприкосновения и синтеза с более развитыми в культурном отношении оседлыми цивилизациями, в то время как обстановку в центральной степной области Евразии во все большей степени начинают определять фрагментация и «вакуум силы». Вместе с этим меняются на прямо противоположные и главные векторы экспансии: они направлены теперь от периферии Евразии к ее степному центру. Это, наконец, придает степной зоне Евразии законченные черты пограничного пространства, обреченного на постепенное сжатие и исчезновение между расширяющимися ареалами сильных и устойчивых государств.

Представление о степной зоне Евразии как о промежуточном пограничном пространстве дает новый разворот всему изучению русской колонизации степного юга и юго-востока (XVI–XIX вв.), поскольку заставляет видеть в ней не только движение народных сил государства на новые, не имеющие «активного хозяина» территории с неиспользуемыми естественными богатствами²⁴ (классический «фронт»), но и напряженное состязание

²² См.: Гуревич Б. П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII — первой половине XVIII в. М., 1979.

²³ См.: Соловьев С. М. Сочинения. М., 1993. Кн. 9, т. 17–18. С. 345.

²⁴ См.: Гинс Г. К. Переселение и колонизация // Вопросы колонизации: периодический сб. 1913. № 13. С. 39.

²¹ См.: Савицкий П. Н. Континент Евразия. М., 1997. С. 310, 311.

с другими консолидировавшимися на окраинах Евразии государственно-политическими центрами за овладение ареалом сдающей исторические позиции, но все еще достаточно сильной номадической цивилизации. Усилившаяся на рубеже XVI–XVII вв. колонизация польскими магнатами подверженного татарским и ногайским набегам «Дикого поля»;²⁵ экспансия Османской империи — при опоре на военные ресурсы Крымского ханства — в Северном Причерноморье и Нижнем Поволжье (поход турецко-татарского войска на Астрахань и к Царицынской переволоке в 1569 г.);²⁶ позднейшая оккупация ею Подолии и установление контроля над Правобережной Украиной (1672–1698);²⁷ усиление влияния узбекских Шейбанидов в казахских степях и Южной Сибири в середине XVI в.;²⁸ возросшая с конца XVII в. завоевательная активность маньчжурского Китая в Монголии, Восточном Туркестане, южном Алтае²⁹ — лишь некоторые, наиболее яркие проявления этой общей тенденции к овладению внутренними степными пространствами Евразии.

Эта континентальная диспозиция сходящихся «фронтиров», несомненно, создавала обстановку, ставившую сам ход и характер процесса колонизации в мощную зависимость от факторов военной стратегии и тактики, внешней политики и дипломатии. В одних случаях эти факторы могли осложнять для одной из сторон (России) борьбу за искоренение набегов степняков (стратегическая поддержка турками Крымского ханства), в других — ограничивать пространство их хищничества смыканием границ государств (польско-турецкие договоры 1672 и 1676 гг.), в третьих — ослаблять кочевой натиск на колонизируемые земли устранением его очага нечаянными усилиями другой стороны (разгром Цинской империей Джунгарского ханства в 1755–1757 гг.). Примечательно, что почти во всех случаях попадавший в тиски встречной экспансии сильнейших государств номадический субстрат проявлял живучесть и способность к гибкому маневри-

рованию, легко переходя от признания зависимости к своеволию, от лояльности к измене, от замирения к отчаянному сопротивлению, — т. е. демонстрируя типичные свойства нестабильного пограничья.

Такой стратегии выживания номадов способствовало и то, что позиционное противостояние соперничающих государств нередко заставляло их идти в целях взаимного сдерживания к «нейтрализации» обширных участков степной зоны. Нередко эта негласно проводимая политика получала договорное оформление, примером чему может служить заключенный между Россией и Турцией в июле 1700 г. Константинопольский трактат. Он предусматривал не только демилитаризацию возвращаемой Порте территории по нижнему Днепру («Тавань и Кизыкермень и Нустрат Кермень и Сагин Кермень городки»), но и ее полную «нейтрализацию» («с тем договором, дабы впредь никогда на тех местах городкам и никакому населению не быть»); нейтральной и не подлежащей закреплению ни за одной из сторон объявлялась и все пространство от Перекопа и Запорожской Сечи до Азова («среди лежащая земли пустыя и порожняя и всяких жильцов лишены да пребудут»);³⁰

Подобные установления лишь закрепляли то состояние запустения, в которое степные территории ввергали разорительные набеги и непрерывные перемещения кочевых орд. Если не считать массовых летних кочевков самих номадов, образующийся в результате «вакуум» лишь отчасти заполняла маргинальная — осуществляемая наездами и чреватая большими рисками — хозяйственная деятельность (выпас скота, рыбная ловля, сенокосы и пасеки). Существовал, правда, один тип экономических ресурсов, который регулярно поставляла степная зона, — военная добыча, приобретаемая в результате набегов на соседние территории, а в структуре последней все большее значение стали приобретать поставки сырья — живого товара. Захваты невольников превратились в экономическую «специализацию» степной зоны, позволяя ей прочно вписаться в систему снабжения османского рынка рабским трудом. Емкость этого рынка в промежутке между 1450 и 1700 гг. оценивается в среднегодовом исчислении в 20 тыс. человек.³¹

²⁵ См.: Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши / пер. с польск. М., 2004. С. 160, 162, 163.

²⁶ Об этом см.: Посольство Ивана Новосильцева в Турцию // Записки русских путешественников XVI–XVII вв. М., 1988. С. 190, 191.

²⁷ См.: Kołodziejczyk D. The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). Leiden; Boston, 2011. P. 186, 187.

²⁸ См.: Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI–XX века / Алексеев В. В., Алексеева Е. В., Зубков К. И., Побережников И. В. М., 2004. С. 38, 39.

²⁹ См.: Гуревич Б. П. Указ. соч. С. 80.

³⁰ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года. СПб., 1830. Т. 4: 1700–1712. С. 67–69.

³¹ См.: Belich J. The Black Death and the Spread of Europe // The Prospect of Global History. Oxford, 2016. P. 103.

Фрагментарные данные, тем не менее, позволяют ориентировочно оценить одни только потери Московского государства от крымских половец в 1600–1650 гг. в 150–200 тыс. человек.³² Несомненно, что устойчивый спрос на рабский труд порождает широкую заинтересованность в практике захвата ясыря со стороны многих экономических и политических агентов, что, в свою очередь, придавало набегам на оседлые территории систематичность регулярной экономической деятельности и стабилизировало функциональную роль степного пограничья — в его неразвитом, полудиком состоянии — прежде всего, как поставщика живого товара.

Необходимо упомянуть еще один важный фактор, объясняющий историческую устойчивость степной пограничной зоны: это — ее высокая резистентность и относительная «непроницаемость» для внешних вторжений, коренящиеся в свойствах степной экосистемы. Степное пограничье в этом отношении можно уподобить физической системе осмоса. Длившаяся несколько веков эпопея борьбы России и Речи Посполитой против Крымского ханства показывает, что хорошо адаптированные к экстремальным условиям степных переходов кочевники вырабатывали и соответствующие способы ведения войны. Пускаясь в крупный набег, они могли быстро и скрытно преодолевать огромные расстояния, а затем, проникая на территорию противника, благодаря тактике действий мелкими группами (загонами, чамбулами) и четкой организации, опустошали ее, ускользая от прямых военных столкновений. И, наоборот, ответные походы через обширные степные пространства для крупных регулярных армий европейского типа превращались в длительные кампании, сопровождавшиеся огромными потерями — главным образом, от голода, болезней, безводья и бескормицы. Польский историк А. Глива убедительно доказывает, что такая «асимметрия» в способах ведения войны крымскими татарами и их противниками длительное время давала первым неоспоримые преимущества, превращая открытые степи в естественно-защищенную «крепость».³³

В то же время, как нестабильное пограничье, пребывавшее вне какого-либо прочно-

го политического контроля, степная зона не только была ареной своевольной активности татарских беев и мурз, но и довольно рано стала прибежищем разного рода «вольных сообществ», которые составляли сходцы из окрестных стран. (Заслуживает внимания концепция Дж. Белича, объясняющая приток на окраины европейской «ойкумены», в наемные армии и флоты государств Европы этого объединяемого в артели и шайки вольного элемента сложными последствиями технологических, демографических и ментально-культурных изменений, вызванных «Черной смертью» середины XIV в.³⁴). Летописное — одно из многих — известие об «ордынских казаках», ограбивших русских, следовавших из Валахии и Крыма (1494),³⁵ не оставляет сомнений в том, что раньше, чем казачество стало лояльным русским властям авангардом колонизации в борьбе против татар, оно поначалу существовало в виде этнически разношерстной степной вольницы, находившейся с номадами не только в состоянии вражды, но и известного «симбиоза». На это же указывают позднейшие факты альянсов, заключаемых между крымскими татарами и запорожскими казаками не только с целью борьбы с Речью Посполитой, но и для набегов на русские земли.³⁶ Тем не менее, по мере того, как степная зона Евразии попадала в фокус политики соседних государств, проникновение и адаптация в ее пределах чуждых тюркам-номадам в культурно-цивилизационном отношении элементов в перспективе зароняли зерна ее последующей диссоциации и «дрейфа» отдельных частей в политически противоположных направлениях.

Проведенный анализ позволяет прийти к выводу, что степные просторы Евразии представляли собой оригинальный исторический тип границы, эволюционировавший от имеющего первоначально значительную территориальную протяженность и самобытную цивилизационную сущность, периодически государственно-организуемого социального пространства в политически нестабильную, фрагментированную, постепенно «закрываемую», исчезающую под давлением новой структуры мирополитических отношений пограничную зону. Выявленные геополитические

³² См.: Davies B. L. *Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700*. London; New York, 2007. P. 25.

³³ См.: Gliwa A. *The Tatar Military Art of War in the Early Modern Period: An Example of Asymmetric Warfare // Acta Poloniae Historica*. 2016. Vol. 114. P. 197, 198.

³⁴ См.: Belich J. *Op. cit.* P. 103, 104.

³⁵ См.: Полное собрание русских летописей. Л., 1977. Т. 33. Холмогорская летопись. Двинской летописец. С. 128.

³⁶ См.: Davies B. L. *Op. cit.* P. 23.

и социально-морфологические особенности этого пограничья, в том числе присущие ему типы социальных взаимодействий и факторы устойчивости, позволят в дальнейшем углубить представления о специфике его колонизации,

представляя степной «фронт» как сложную, обогащаемую историческим опытом комбинацию реконструктивных стратегий, охватывающих не только экономическую, но и военную, политическую и ментально-культурную сферы.

Konstantin I. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: zubkov.konstantin@gmail.com

Georgy N. Shumkin

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)
E-mail: shumk@mail.ru

STEPPE BORDERS OF EURASIA:
AN ATTEMPT AT MACRO-HISTORICAL RECONSTRUCTION

The article is an attempt at reconstructing basic regularities of macro-historical evolution of the Eurasia steppe zone regarded as a vast borderland space. The chief of these regularities was that the nomadic civilization emerged within the Eurasian steppe zone, in spite of upsurges of the imperial power, along with the course of historical progress, tended to lag behind the technically oriented sedentary and agrarian civilizations in the pace and results of development. The change of the world political structure, which accompanied this process, led to the fragmentation and growing instability of the Eurasia steppe zone. This resulted in its transformation into the borderland space situated between the approaching “frontiers” of more powerful and stable state entities. The article argues that a number of morphological particularities inherent in the borderland zones during the pre-industrial epoch may be considered as applicable for characterizing the historical development of the Eurasia steppe nomadic zone, which had become the arena of the counter expansionist moves of the competing states. This complicated political disposition essentially influenced the conditions of survival and the factors of resilience of the steppe borderlands; it also explains the historically protracted process of their colonization inseparably linked with the need to develop complex combinatory strategies of all-embracing (economic, military, political, cultural) reconstruction of the steppe spaces.

Keywords: *Eurasia, Russia, steppe zone, border, borderland, nomadic civilization, colonization, frontier*

REFERENCES

- Alekseev V. V., Alekseeva E. V., Zubkov K. I., Poberezhnikov I. V. *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoy i tsivilizatsionnoy dinamike. XVI–XX veka* [Asian Russia in the geopolitical and civilizational dynamics. 16th–20th centuries]. Moscow: Nauka Publ., 2004, 600 p. (in Russ.).
- Baud M., Van Schendel W. Toward a Comparative History of Borderlands. *Journal of World History*, 1997, vol. 8, no. 2, pp. 211–242. (in English).
- Belich J. The Black Death and the Spread of Europe. *The Prospect of Global History*. Oxford: Oxford University Press, 2016, pp. 93–107. (in English).
- Chaichian M. Empires and Walls: Globalization, Migration, and Colonial Domination. Leiden; Boston: Brill, 2014, 361 p. (in English).
- Davies B. L. Warfare, State and Society on the Black Sea Steppe, 1500–1700. London; New York: Routledge, 2007, 256 p. (in English).
- Fernandez-Armesto F. *Tsivilizatsii* [Civilizations]. Moscow: AST-Moskva Publ., 2009, 764 p. (in Russ.).
- Gliwa A. The Tatar Military Art of War in the Early Modern Period: An Example of Asymmetric Warfare. *Acta Poloniae Historica*, 2016, vol. 114, pp. 191–229. (in English).
- Gurevich B. P. *Mezhdunarodnyye otnosheniya v Tsentral'noy Azii v XVII – pervoy polovine XIX v.* [International relations in Central Asia in the 17th – first half of the 19th century]. Moscow: Nauka; Gl. redaktsiya vostochnoy lit-ry Publ., 1979, 311 p. (in Russ.).

- Haushofer K.** *O geopolitike: raboty raznykh let* [About geopolitics: works of various years]. Moscow: Mysl' Publ., 2001, 426 p. (in Russ.).
- Kołodziejczyk D.** *The Crimean Khanate and Poland-Lithuania: International Diplomacy on the European Periphery (15th–18th century). A Study of Peace Treaties Followed by Annotated Documents.* Leiden; Boston: Brill, 2011, 1098 p. (in English).
- Kradin N. N.** *Kochevyye obshchestva (problemy formatsionnoy kharakteristiki)* [Nomadic societies (problems of formational characterization)]. Vladivostok: Dal'nauka Publ., 1992, 240 p. (in Russ.).
- Kuchera M. P.** [History of the studying Serpent Shafts of the Middle Dnieper region]. *RusArkh: Elektronna-ya nauchnaya biblioteka po istorii drevnerusskoy arkhitektury* [RusArh: Electronic Scientific Library on the History of Old Russian Architecture]. Available at: <http://rusarch.ru/kuchera1.htm> (accessed: 26.05.2019). (in Russ.).
- Kul'tura drevnebukharskogo oazisa III–IV vv.** [The culture of the ancient Bukhara oasis of the 3rd–4th centuries]. Tashkent: "FAN" Publ., 1983, 124 p. (in Russ.).
- Labbaĸ-Khaniki M.** Long Wall of Asia: The Backbone of Asian Defensive Landscape. *Proceedings of the 10th International Congress of Archaeology of the Ancient Near East.* Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2018, vol. 2, pp. 113–121. (in English).
- Łowmiański H.** The Ancient Prussians. *Baltic Countries*, 1935, vol. I, no. 2, pp. 141–166. (in English).
- Mears J. A.** Analyzing the Phenomenon of Borderlands from Comparative and Cross-Cultural Perspectives. Conference Proceeding "Interactions: Regional Studies, Global Processes, and Historical Analysis". Available at: http://webdoc.sub.gwdg.de/ebook/p/2005/history_cooperative/www.historycooperative.org/proceedings/interactions/mears.html (accessed: 26.05.2019). (in English).
- Perdue P. C.** Boundaries, Maps, and Movement: Chinese, Russian, and Mongolian Empires in Early Modern Central Eurasia. *The International History Review*, 1998, vol. 20, no. 2, pp. 263–286. (in English).
- Platonov S. F.** *Proshloye russkogo Severa: Ocherki po istorii kolonizatsii Pomor'ya* [The past of the Russian North: Essays on the history of the colonization of Pomorje]. Petrograd: "Vremya" Publ., 1923, 79 p. (in Russ.).
- Savitsky P. N.** *Kontinent Evraziya* [Continent Eurasia]. Moscow: Agraf Publ., 1997, 464 p. (in Russ.).
- Spring P.** *Great Walls and Linear Barriers.* Barnsley: Pen & Sword Military, 2015, 320 p. (in English).
- Sultanov T. I.** *Chingiz-khan i Chingizidy. Sud'ba i vlast'* [Genghis Khan and Genghisids. Fate and power]. Moscow: AST Publ., 2006, 445 p. (in Russ.).
- Trepavlov V. V.** [Ulus of Jochi in the 15th–16th centuries: the inertia of unity]. *Zolotoordynskoye naslediyе. Materialy Mezhdunarod. nauch. konf. "Politicheskaya i sotsial'no-ekonomicheskaya istoriya Zolotoy Ordy (XIII–XV vv.)"* [The Golden Horde heritage. Proceedings of the Intern. Sci. Conf. "The Political and Socio-Economic History of the Golden Horde (13th–15th centuries)"]. Kazan: Fen Publ., 2009, iss. 1, pp. 11–15. (in Russ.).
- Turnbull S.** *The Great Wall of China 221 BC — AD 1644.* New York: Osprey Publishing, 2007, 64 p. (in English).
- Tymovskiy M., Kenevich J., Holzer E.** *Istoriya Pol'shi* [History of Poland]. Moscow: "Ves' Mir" Publ., 2004, 544 p. (in Russ.).